

УДК 332.02

Регион: экономика и социология, 2019, № 4 (104), с. 3–23

А.Г. Аганбегян

ЧТО МОГУТ СДЕЛАТЬ РЕГИОНЫ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТАГНАЦИИ И ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ЗНАЧИМОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В статье обсуждается жизненно важная необходимость возобновления социально-экономического роста в России. В регионах главным драйвером социально-экономического развития должна стать мобилизация инвестиций в основной капитал и вложений в экономику знаний, в особенности в человеческий капитал. Именно человеческий капитал, знания и умения человека определяют социально-экономический рост. В статье рассматривается, какими возможностями обладают регионы в улучшении благосостояния населения.

Ключевые слова: стагнация; экономический рост; инвестиции; человеческий капитал; благосостояние

Для цитирования: *Аганбегян А.Г.* Что могут сделать регионы для преодоления стагнации и возобновления значимого социально-экономического роста // *Регион: экономика и социология.* – 2019. – № 4 (104). – С. 3–23. DOI: 10.15372/REG20190401.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА – НЕОТЛОЖНАЯ, ЖИЗНЕННО ВАЖНАЯ ЗАДАЧА В РОССИИ

Как известно, седьмой год социально-экономическая система нашей страны находится в стагнации, которая началась в 2013 г. Из этих семи лет два года (2015 и 2016) были годами рецессии, т.е. упадка.

По мнению экспертов, эта стагнация продлится как минимум еще два-три года.

В стагнации находится не только экономика России в целом. Если проанализировать деятельность каждого из 85 субъектов Федерации, то найдется всего около 10 регионов, которые можно отнести к регионам с небольшим социально-экономическим ростом. При этом в подавляющем большинстве случаев этот рост является неустойчивым, в среднем ежегодно в размере 2–3%, опускаясь до нуля в отдельные годы.

Было бы заблуждением считать, что только центральная власть обладает реальными рычагами для возобновления социально-экономического роста. Каждый регион в меньшей или большей степени мог бы самостоятельно, вопреки стагнации в целом по России, добиться социально-экономического роста. Это демонстрируют передовые регионы. Возьмем, например, Белгородскую область. Валовой региональный продукт этой области увеличился в 2013 г. на 3%, в 2014 г. – на 2,8, в 2015 г. – на 3,0, в 2016 г. – на 3,4, в 2017 г. – на 3,7 и в 2018 г. – на 3,5%. Таким образом, за шесть лет рост производства составил более 21%, в то время как в целом по России – только 2,6%, или по 0,4% в год.

Разумеется, 3%-й рост на перспективу нас не устраивает, поскольку экономика развивающихся стран ежегодно увеличивается в среднем на 4–5%. И при сохранении низких темпов Россию вскоре обойдет Индонезия с ее огромным, 264-миллионным, населением. Кроме того, при 3%-м росте в обозримом будущем (в течение 15–20 лет) мы вряд ли сможем войти в число развитых стран мира, особенно по важнейшим социальным показателям, где наше отставание наибольшее. На мой взгляд, желаемые значимые темпы для социально-экономического развития России – 5–6% ежегодно.

И здесь важны не столько даже количественные показатели роста, сколько его качество. С одной стороны, это повышение эффективности и технологического уровня до передовых значений, а с другой стороны, нацеленность этих темпов на рост благосостояния всех слоев населения нашего общества при преимущественном формировании многочисленного среднего класса.

По мнению экспертов, для преодоления стагнации и существующих негативных трендов, тянущих экономику вниз, – оттока капитала, устаревания основных фондов, снижения платежеспособного спроса, негативных демографических изменений, замедленной, а порой и отрицательной динамики госбюджета из-за уменьшения нефтегазовой выручки от экспорта и ряда других – нужны радикальные меры. Следовало бы изменить экономическую и социальную политику, перейти к финансовому форсажу прежде всего инвестиций в основной капитал и вложений в экономику знаний, в главную ее составную часть – человеческий капитал. Ускоренный, скажем 10%-й, рост инвестиций и вложений нужно направить на технологическое перевооружение всего народного хозяйства, на формирование современной инфраструктуры, ускоренное жилищно-бытовое и социальное строительство.

Другой важнейшей характеристикой качества роста является его подчинение задаче повышения благосостояния всего населения страны с приоритетом улучшения здоровья и повышения ожидаемой продолжительности здоровой жизни.

Для возобновления экономического роста нужно создать соответствующие условия, важнейшим из которых является снижение процентных ставок для предоставления инвестиционных займов до 3–5%. Следовало бы также ввести сильные стимулы для инвестирования и экономического роста, включая проектное финансирование, налоговые паузы при технологическом обновлении, при экспорте готовой продукции с высокой добавленной стоимостью и эффективным импортозамещении и т.д., провести крупные институциональные преобразования (структурные реформы) по приватизации и собственности, развивать конкурентоспособность, перевести регионы на систему самокупаемости, самофинансирования и самоуправления, провести налоговую реформу и реформы по финансированию пенсий, расходов на здравоохранение, перевести жилищно-коммунальное хозяйство на частные рельсы и осуществить ряд других преобразований. Целесообразно, по моему мнению, по примеру Китая, Японии, послевоенной Франции возобновить в России народно-хозяйственное пла-

нирование с учетом новых рыночных условий, составив пятилетний план на 2021–2025 гг. для выполнения Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г.

Указанные крупные меры, которые позволили бы нам перейти за три-четыре года к значимому социально-экономическому росту, разумеется, не в компетенции региональных властей. Но и регионы обладают немалыми рычагами, для того чтобы преодолеть стагнацию, добиться у себя роста экономики и социальной сферы.

МОБИЛИЗАЦИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ И ВЛОЖЕНИЙ В ЭКОНОМИКУ ЗНАНИЙ (ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ) КАК ГЛАВНЫХ ДРАЙВЕРОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РЕГИОНАХ

Сколь-нибудь значимый социально-экономический рост в современных условиях вряд ли может быть достигнут в регионе как устойчивый в течение ряда лет без 8–10%-го увеличения инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал. Доказана жесткая зависимость между долей этих инвестиций и вложений в ВВП и темпом экономического роста.

В развитых странах доля инвестиций в ВВП в среднем составляет 21%, а доля вложений в экономику знаний – более 30%. Это обеспечивает им высококачественный социально-экономический рост ежегодно в среднем в размере 1,5–2%. В развивающихся странах доля инвестиций в основной капитал в ВВП составляет 30–35%, а доля вложений в экономику знаний – около 20%. И поэтому они увеличивают свой валовый продукт в среднем на 4–5% в год, правда в значительной мере за счет развития традиционных отраслей и со значительным использованием экстенсивных факторов. В настоящее время Китай при доле инвестиций в основной капитал на уровне 45% и вложений в экономику знаний на уровне 22% обеспечивает рост в послекризисный период в размере 6,5–7% в год.

Россия сегодня имеет долю инвестиций в основной капитал в размере 17% (в 2018 г. инвестиции в основной капитал составляли в стране

17,6 трлн руб. при размере ВВП 103,6 млрд руб.), а суммарную долю отрасли «экономика знаний» в ВВП в размере 14% (15 млрд руб.). При таких соотношениях в последние шесть лет в условиях сокращающихся инвестиций и вложений мы закономерно развиваем экономику на уровне от 0 до 1% в среднем в год, при том что надо учесть негативное влияние санкций, с одной стороны, и снижение цен на нефть – с другой.

Чтобы перейти к социально-экономическому росту, надо поднять норму инвестиций и вложений в валовом внутреннем продукте. Никаких альтернатив этому нет, если мы хотим получить значимое долгосрочное развитие нашей экономики и социальной сферы. Сказанное в полной мере относится к подавляющему большинству регионов, поскольку у них крайне низкие значения этих инвестиций и вложений в валовом региональном продукте.

Зачем нужны для экономического роста столь значительные инвестиции и вложения? Инвестиции необходимы

- для технологического обновления действующего производства. По крайней мере две трети отраслей имеют явно устаревшие основные фонды, особенно машины и оборудование. В России 23% машин и оборудования работают свыше своего срока амортизации и давно должны были стать металлоломом. Износ основных фондов уже превысил 50% и увеличивается дальше;
- для удвоения, а потом и утроения не развитых в нашей стране высокотехнологичных отраслей, и прежде всего электроники, фармацевтики, современного приборостроения, авиационно-космической промышленности, атомного машиностроения, высокой химии и производства современных синтетических материалов и др.;
- для формирования современной транспортно-логистической инфраструктуры и перехода к массовому строительству двусторонних автострад, скоростных железных дорог, крупных логистических центров;
- для роста жилищного, коммунально-бытового и социального строительства по крайней мере в 1,7 раза до 2025 г. и в 2,5 раза

к 2030 г. Цель – доведение обеспеченности комфортным жильем до 30 кв. м на душу населения;

➤ для развития всех отраслей экономики знаний.

Восьми-десятипроцентный рост сферы «экономика знаний» должен быть направлен на увеличение к 2025 г. удельного веса расходов по отдельным отраслям в составе ВВП:

- по НИОКР – с 1,2 до 3%;
- по образованию – с 4 до 7%;
- по информационным технологиям – с 3,5 до 10%;
- по биотехнологиям и здравоохранению – с 5 до 8%.

Эти показатели и для регионов могут служить определенными ориентирами.

Каковы могут быть источники столь значительных инвестиций в основной капитал и вложений в сферу «экономика знаний» для регионов? Главным дополнительным источником этих средств могут стать инвестиционные кредиты. Не все осознают, что основной денежный мешок России – это активы банков (92,5 трлн руб.), которые более чем вдвое превышают все государственные средства – консолидированный бюджет плюс внебюджетные госфонды (пенсионный, здравоохранения и социальный), где сосредоточено только 40 трлн руб.

Сегодня объем инвестиционного кредитования в стране незначителен. Менее 1% из банковских активов используется на инвестиционные кредиты со стороны российских банков отечественным предприятиям. В целом все виды инвестиционного кредитования, включая и иностранное, составляют всего 8% инвестиций России, в то время как в развитых странах эта доля достигает 30–50%, а в развивающихся – 20–25% при вдвое более высокой норме инвестиций в ВВП. У нас преобладают безвозвратные инвестиции, используемые крайне неэффективно. Они часто используются не по назначению, в том числе в связи с изменившимися условиями. Эти средства не должны быть возвращены, и поэтому нет столь жесткой ответственности, как при инвестиционном кредитовании. Я не говорю здесь и о коррупции.

В отличие от этого инвестиционный кредит носит возвратный характер. Коммерческий банк, выдавший такой кредит, сам в этом

заинтересован, ибо он лишится средств, если они не будут полностью возвращены, а это не его средства. И если эти средства будут коммерческому банку предоставлены из Центрального банка или из ВЭБ, а тем более из международных банков, то ответственность за их невозврат будет носить уже характер уголовного преследования, приведет к банкротству банка, лишению его лицензии и т.д.

Кроме того, инвестиционный кредит не может быть предоставлен без детального бизнес-плана с обоснованием срока окупаемости, который проверяется банком. Опытные сотрудники банка при этом подключаются к переговорам по покупке оборудования для финансирования соответствующего предприятия. И затем банк перечисляет деньги обычно прямо фирме – производителю этого оборудования после его поставки. Банк также принимает участие в переговорах со строителями, если они строят объекты для новых мощностей предприятия, и тоже перечисляет деньги прямо строителям при выполнении ими согласованного комплекса работ. Поэтому эти средства вряд ли могут быть использованы нецелевым образом. Они в значительной мере просто не попадают на счета предприятия. Крайне важно и подключение экспертов банков к непростой задаче технологического перевооружения предприятий. Экспертов банк может нанять не только в нашей стране, но и за рубежом из числа серьезных специалистов именно в данной области. Поэтому инвестиционный кредит намного эффективнее безвозвратных вложений. И все дополнительные средства, направляемые на инвестиции, желательно проводить в случае окупаемости проекта через систему кредитования.

В настоящее время инвестиционный кредит брать невыгодно, прежде всего потому, что он крайне дорог и требует минимум 10%-й годовой ставки. А прибыль большинства предприятий ниже 10%, и им не под силу этот кредит. К тому же такой кредит обычно выдается на срок не более трех лет, да и предприятия боятся его брать на больший срок, потому что нужно будет отдавать непомерно высокий и невыгодный предприятию обратный взнос.

Исходя из всего этого, чтобы реально в массовом масштабе перейти к инвестиционному кредитованию как главному источнику дополнительных инвестиций в основной капитал, нужно предоставлять инвестиционный кредит, скажем, под 5% годовых для техноло-

гического обновления действующего производства, где срок окупаемости оценивается в 5–7 лет, под 4% для создания новых мощностей высокотехнологичных отраслей, где окупаемость обычно составляет 10–12 лет, и под 3% на создание современной транспортной инфраструктуры с окупаемостью в 20–25 лет.

Центральный банк в последнее время снижает свою ключевую ставку и довел ее уже до 7,25%*. Он собирается дополнительно ее снижать, во всяком случае в ближайшие 1,5–2 года. Эксперты считают, что он ее снизит в лучшем случае до 6%. Регионы уже сегодня могли бы взять на себя финансирование части процентной ставки при использовании инвестиционных кредитов наших коммерческих банков. Это относительно небольшие средства. Чтобы взять кредит под 5% годовых, например, на 10 млрд руб., нужно вложить всего 500 млн руб. для снижения процентной ставки с 10 до 5%. Вероятно, требуется также губернаторская гарантия на возврат этого инвестиционного кредита.

Где взять региональным бюджетам такие средства? Их можно получить, если часть бюджетных статей, касающихся вложений в национальную экономику, вместо безвозвратного финансирования перевести на кредитную основу по взаимовыгодным ставкам. А высвобожденных средств с лихвой хватит для софинансирования процентных ставок по другим инвестиционным проектам. Опыт показывает, что предприятия сразу выстраиваются в длинные очереди за инвестиционным кредитом для технологического обновления, если даже он частично выдается под 5% годовых или меньше. Такие кредиты, как известно, предоставляет Фонд промышленности при Минпромторге России. Там на очереди стоит более 300 предприятий, а еще тысячи просто не подают заявки, потому что трудно пробиться. Здесь же предлагаются более простые и более выгодные условия, чем в этом фонде. Поэтому такие кредиты будут востребованы.

Другой источник средств связан с возможностью привлечения дополнительных финансовых ресурсов администрациями регионов. Можно сделать свои бюджеты умеренно убыточными на не очень

* 28.10.2019 г. ключевая ставка была еще снижена – до 6,50%. – *Прим. редакции.*

большую величину с дефицитом под 1–2–3% своего ВРП. Таков уровень безопасности и безинфляционности. Тогда расходы будут превышать доходы и эти дополнительные средства можно будет использовать для финансирования экономического роста опять-таки через инвестиционные кредиты, чтобы обеспечить их безусловную возвратность, а не «проедание». Под этот дефицит могут быть выпущены региональные облигации.

Кроме того, региональные власти сами могут брать кредиты, причем по более выгодным ставкам, чем предприятия. Это могут быть бюджетные кредиты, кредиты Внешэкономбанка, кредиты крупных коммерческих банков, которые региону дадут по более низким ставкам, чем отдельному предприятию. Эти инвестиционные кредиты тоже надо пустить на окупаемые проекты, особенно реализуемые в рамках государственно-частного партнерства, которое надо всемерно развивать. Под объемы бюджетов такая задолженность по кредитам была бы безопасной в размере 50–60%.

Между тем многие регионы гордятся тем, что у них доходы превышают расходы и они работают с профицитом. При этом в регионе нет денег на окупаемые проекты малого и среднего бизнеса, который не развивается из-за нехватки средств. Регион не привлекает работников, поскольку мало вводится новых мощностей и т.д.

Пора понять, что профицит – это значит не расходуются средства, которые обесцениваются от бессмысленного пролеживания. Посмотрим на цивилизованные страны: все они имеют дефицитные бюджеты. Самые успешные, и США, и Германия. А какие у них долги? Внешние долги европейских государств в среднем составляют 86%. А российское государство имеет внешний долг 3%, ему якобы не нужны деньги. Ему достаточно иметь 17%-ю долю инвестиций в ВВП и стагнировать, вместо того чтобы развиваться, имея намного большие инвестиции, которые государство быстро может покрыть, заняв 50–100 млрд долл., что совершенно безопасно при наших крайне малых долгах – и внутренних, и внешних. У Китая внешний и внутренний долг составляет 257% к ВВП, и страна развивается весьма успешно. У Японии этот долг больше 200%, у США только государственный долг составляет 120%. А у России внутренний и внешний долг – 15%. А если взять даже долг всех наших предприятий

и организаций плюс государственный долг, то это только 29% ВВП при норме международной безопасности иметь до 60% долга. В стране 20 млн нищих, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, у 7% работающих зарплата на уровне прожиточного минимума. Колоссальное недофинансирование строительства жилья, которое сократилось с 85 млн кв. м в 2015 г. до 75 млн кв. м в 2018 г., потому что нет денег. Недофинансируется, и это главное, социально-экономический рост.

А ведь мы в подлинном смысле сидим на сундуке с золотом. Недавно Центральный банк объявил, что запасы золота в стране в составе золотовалютных резервов превысили 100 млрд, а все резервы – 500 млрд долл. При этом в последние 15 лет мы никогда не трогали 300 млрд долл. Но когда вдруг понадобилось 600 млрд руб., а это ничтожная сумма по отношению к упомянутым резервам и та, которую Г. Греф, руководитель Сбербанка, где лежат 30,2 трлн руб., дает росчерком пера, правительство пошло на повышение НДС на 2%. Подняли инфляцию до 5,5%, снизили доходы у десятков миллионов человек. Шестой год снижаются реальные доходы населения, а мы живем с профицитом бюджета, с баснословными резервами, впятеро большими, чем в крупнейших странах Европы, превосходящих Россию по объему экономики. Но зато как приятно сидеть на сундуке с золотом, который, кстати, каждый год на 20–25 млрд долл. обесценивается. А это не 600 млрд руб., а более 1,2 трлн руб.

Не надо подражать такому ведомственно-фискальному поведению. Надо смотреть на передовые страны, как и за счет чего они развиваются. Попробуйте развивать предприятие без кредита, без задолженности – будете топтаться на месте. В лучшем случае продвигаться вперед маленькими шажками. То же самое для регионов – не надо бояться разумных займов, разумных долгов, экономически обоснованных. Только надо их эффективно на возмездных началах расходовать, а не раздавать направо-налево безвозвратно, что мы подчас делаем, а должного эффекта не получаем.

Возьмем программу развития Дальнего Востока. Программа принята в 2013 г. Пошел шестой год, даны небывалые льготы, государство вложило огромные средства. Программа включает сооружение 1,5 тыс. предприятий, на которые начато расходование 3,88 трлн руб.

Шестой год – результаты низкие. Валовый продукт практически не вырос, темпы ниже общероссийских, при том что в других регионах нет и близко этих льгот, этих инвестиций. Отрасль сельского хозяйства просто деградирует. За шесть лет на 20% снизилось производство мяса, на 10% – производство молока, в 2,5 раза уменьшился объем выращенного зерна. За прошедшие годы сократился объем жилищного строительства: здесь строят почти в 2 раза меньше жилья на 1000 жителей, чем в среднем в других регионах. А ведь все нацелено на опережающее развитие Дальнего Востока. Какое же это опережающее развитие? Идет большой отток населения из региона, уровень жизни не повышается. Почему? Потому что деньги используются безвозвратно, неэффективно. После установления высоких льгот для территорий опережающего развития, которые были созданы на Дальнем Востоке и на которые израсходованы огромные средства, инвестиции вдруг после снижения в течение предшествующих лет взметнулись вверх на 17% в 2017 г. Казалось, при таком росте инвестиций должен быть хоть какой-то экономический результат. Но нет: валовый региональный продукт Дальнего Востока в 2018 г. вырос на 1,8%, а в России, где рост инвестиций составил 4%, он вырос на 2,3%. Не надо брать с этого пример, надо действовать эффективно, использовать деньги преимущественно на возвратной основе.

Источником дополнительных средств может быть приватизация ряда предприятий и организаций, принадлежащих государству, значительная часть которых подчинены регионам или муниципалитетам и не выполняют никаких государственных функций, а являются чисто коммерческими.

Несколько лет назад я занимался стратегией развития Костромской области. С удивлением увидел, что государству принадлежит совершенно устаревшее объединение по заготовке леса, где почти не применяются промышленные комплексы, механизмирующие заготовку, которые с успехом используются в частных структурах. Зачем государству эта примитивная, полуубыточная заготовка леса? Какие государственные задачи она решает? Администрации региона принадлежит торговый центр в Костроме. Когда-то это был памятник дореволюционной архитектуры, а сейчас обветшалое здание с протекающей крышей, но зато государственная собственность. Что госу-

дарственного? Сдаваемые внаем плохие помещения. Еще одно государственное предприятие – теплица по выращиванию помидоров и огурцов, которые продаются населению. А здесь что государственного? Почему она не частная? Можно продолжать дальше. В каждом регионе есть что-либо подобное.

Позитивный пример показывает мэрия Москвы, которая, казалось бы, такие выгодные по доходам организации, как Банк Москвы, прекрасный аэропорт Внуково и многие другие объекты, продала частному бизнесу за хорошие деньги – за триллионы рублей – и вложила эти средства в развитие города.

Крайне выгодно для регионов, если они готовы заняться серьезной организационной работой, создавать особые экономические зоны, территории опережающего развития, промышленные парки, внедренческие зоны, поддерживать другие подобные структуры, специально созданные правительством, для того чтобы поощрять более выгодный инновационный бизнес, развитие импортозамещения, экспортных производств. Предоставляются большие льготы по прибыли, по налогам не только с прибыли, но и с имущества, с земли, таможенные и административные льготы и многое другое.

Но как плохо все это используется. По пальцам можно пересчитать эффективные зоны. Это Елабуга, где небольшая, казалось бы, по территории особая экономическая зона сосредоточила костяк предприятий, объем производства которых уже превысил 150 млрд руб. и продолжает увеличиваться. Внедренческая зона без льгот создана вблизи новосибирского Академгородка. Ее доходы – 15 млрд руб., и они быстро увеличиваются. Липецкая внедренческая зона давно себя окупила. В недавно созданной особой экономической зоне Московской области в Протвино уже функционируют 11 предприятий и 14 начинают строиться. Хотя прошло всего несколько лет, а уже начался выпуск продукции. Надо использовать все преимущества, которые предоставляет федеральная власть, по полной.

А многие регионы «спят», к хорошему новому делу не спешат присоединиться, ведут себя неактивно. Даже самые успешные из них. Возьмем наш лучший, с моей точки зрения, регион в стране – Татарстан. В стране уже 80 перинатальных центров, а в Татарстане, где 4 млн чел. и высокая рождаемость, только недавно открыт первый

перинатальный центр. Поэтому там довольно высокая на фоне других регионов Поволжья младенческая смертность. Недалеко, в рядом расположенной плохо финансируемой Чувашской Республике она в 1,5 раза ниже.

Везде в стране создавались серьезные кардиоцентры как главная составная часть программы «Здоровье». На них правительство не жалело средств. А Костромская область прозевала, ее кардиоцентр ничего не может. И для того чтобы поставить простой регулятор сокращений сердечной мышцы, больные вынуждены 4 часа ехать в Иваново. В Ростове работает крупнейший эффективный онкологический центр федерального значения. Рядом другие крупные города. А современного центра ПЭТ с производством изотопов, соединенным с томографическим исследованием, позволяющим выявлять метастазы рака, невидимые никаким другим способом, у них нет. Сколько было возможностей создать ПЭТ – ничего не сделали. Хотя и частные, и государственные компании горели желанием организовать такой центр в Ростове, притом на свои средства – просили лишь помещение. И таких примеров можно приводить десятки.

Дополнительные средства на инвестиции и на человеческий капитал могут быть получены за счет выпуска специальных облигационных займов, выгодных и для регионов, и для населения. Например, они могут быть использованы для финансирования жилищного строительства или покупки легковых автомашин. Объявляется облигационный заем, и те, кто хочет приобрести жилье, покупают облигации этого займа. Он дает небольшой доход в год, но зато, как только накопится определенный процент от стоимости квартиры, администрация гарантирует выбор квартиры, например, с 30%-й скидкой с цены и получение ипотечного кредита с низкой процентной ставкой. За счет чего? За счет того, что деньги, которые люди дали три года назад, два года назад, год назад, пошли на жилищное строительство и их получили конкретные частные компании, строящие жилье, с которыми администрация региона заключила договор: мы вам предоставляем дополнительные деньги на жилье из облигационного займа за два года до ввода в действие, за год до ввода в действие, а вы за это даете квартиру для этих заемщиков со скидкой с цены. Все, естественно, соглашаются, потому что это резко увеличивает спрос на жилье.

Можно рассчитать, насколько это выгодно строителям. А администрация ничего не проигрывает, она выступает умелым посредником.

Не менее выгодно это населению, для значительной части которого покупка нового жилья подорожала за последние два года на целых 30%: на 15–20% – из-за отсутствия теперь скидок, так как приходится покупать готовое жилье, а не со скидкой, как раньше, когда дом вышел из фундамента, а на 15% – из-за ухода с рынка многих строительных компаний, которые жилье финансировали на средства от долевого участия населения. То же самое с легковыми автомобилями. Ведь у населения в России скопилось 40 трлн руб. И население имеет на счетах в зарубежных банках, по оценке экспертов, от 700 до 1000 млрд долл. И даже использование 3% от этой суммы дает огромные возможности в плане дополнительного финансирования жилищного строительства и производства легковых автомобилей.

ВОЗМОЖНОСТИ РЕГИОНОВ В УЛУЧШЕНИИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Повышение благосостояния населения – это не просто цель экономического развития. И никак не одно лишь благоденствие для людей. Важно понять, что человек – это главная производительная сила и от заботы об этой главной производительной силе зависит эффективность работы. И все в большей мере именно человеческий капитал, знания и умения человека определяют социально-экономический рост.

Человеческая жизнь имеет вполне определенную цену, которая в нашей стране не установлена. Если человек погибает, например, в авиационной катастрофе, семье выплачивают за его жизнь 2 млн руб. После недавней аварии Суперджета впервые выплатили по 5 млн, это уже прогресс. Росстат рассчитал для программы «Здравоохранение», что сохранение жизни человека дает экономию в народном хозяйстве в размере 4,4 млн руб. По моим расчетам, эта цифра занижена по крайней мере втрое. С моей точки зрения, жизнь человека в России стоит около 10–12 млн руб. И неслучайно при авариях на

международных рейсах, а эти рейсы принадлежат в том числе и совсем слаборазвитым странам, например Индии, выплачивается компенсация в размере минимум 150 тыс. долл., т.е. примерно 10 млн руб. В США официально цена жизни гражданина стоит более 1 млн долл. А производство внутреннего валового продукта на душу населения по паритету покупательной способности в России меньше американского примерно в 3 раза, а по рыночному курсу – меньше в 5–6 раз. Так что если за критерий брать стоимость жизни гражданина США, то цена жизни одного россиянина должна составить около 200 тыс. долл., или 15 млн руб.

Поэтому разные меры по повышению благосостояния по отдельным направлениям часто носят окупаемый характер. И эта окупаемость иногда бывает выше окупаемости вложений в основной капитал. Например, сохранение 100 жизней благодаря улучшению лечения сердечно-сосудистых заболеваний даст годовую экономию, если даже считать по данным Росстата, в размере 440 млн руб. А ведь мы собираемся снизить смертность трудоспособного населения на 100 тыс. чел. в год. Эти 100 тыс. чел. в год дадут 400 млрд руб. ежегодного вклада в экономику страны. А человек после сохранения ему жизни живет, как правило, около 10–15 лет, если эта жизнь сохраняется в период его трудоспособности.

Огромный эффект в народном хозяйстве имеет увеличение жилищного строительства. Потому что строительство жилья обеспечивает высокий дополнительный эффект: влечет за собой создание инфраструктуры, прокладку коммунальных сетей, строительство необходимых для жителей социально-бытовых объектов, формирование новых денежных потоков и при продаже жилья, и при оплате коммунальных услуг, вызывает дополнительную покупку товаров при приобретении нового жилья и т.д. В целом считается, что около 20% роста ВВП зависит от строительства жилья, естественно если оно имеет значительные объемы – приблизительно 0,7–1 кв. м на душу населения в год. И именно такое количество жилья мы должны ежегодно вводить в строй в перспективе.

Я уже не говорю о том, что огромный дополнительный эффект, правда трудно рассчитываемый, дает вложение средств в образо-

вание. Исследования крупных зарубежных ученых показывают, что в разных странах от одной трети до двух третей источников экономического роста прямо или косвенно связаны с улучшением образования – настолько важна роль человека в современном производстве товаров и услуг. Ведь доля интеллектуальных услуг в создании валового внутреннего продукта резко увеличилась. Услуги врача, учителя, специалиста по информационным технологиям и многих других почти всецело зависят от их квалификации, а не от здания, где они работают, и подчас даже не от техники, которой они пользуются.

Поэтому повышение благосостояния должно быть комплексным с креном в экономический эффект от этого повышения. И самый большой экономический эффект дают здравоохранение, образование, обеспечение жильем.

Для того чтобы рационально направлять средства и влиять на процессы улучшения благосостояния, надо прежде всего детально знать потребности и запросы людей, для чего нужно проводить различные обследования, касающиеся тех или иных мероприятий, встречаться с людьми, жить их интересами. Причем необходимо учитывать, что население многослойное, в нем есть разные социальные группы, люди с разными интересами, и важно подходить к ним дифференцированно. Одно дело – к молодежи, другое – к престарелым членам общества, третье – к женщинам, имеющим маленьких детей, четвертое – к мужчинам в трудоспособном возрасте, кормильцам семьи. Нужны разные подходы к жителям крупных городов, рабочих поселков, сельской местности. Таким образом, должна быть выработана многогранная социальная политика, очень взвешенная, осторожная.

Самое ужасное в России – это многочисленность бедного населения. Согласно расчетам, 30% россиян живут хуже, чем люди такой категории жили в советское время, а 20% живут намного лучше и тянут среднюю резко вверх. Зарплата 10% малооплачиваемых работников составляет 12 тыс. руб., а 10% высокооплачиваемых – почти 156 тыс. руб. Огромный разрыв, а средняя – где-то около 45 тыс. руб. Но между 45 и 12 тыс. разница 33 тыс., а между 45 и 156 тыс. – 111 тыс. Понятно, что 111 тыс. руб. втрое сильнее тянет среднюю на себя. И поэтому ниже средней арифметической у нас получают не 50,

а почти 70% работающих. А медианная зарплата составляет примерно 70% от средней. То есть при средней на уровне 45 тыс. руб. медиана будет немножко больше 30 тыс. руб., ниже и выше этой величины получают по 50%. А есть еще показатель моды, это самая распространенная заработная плата в одинаковом интервале. Если, скажем, посчитать, какой процент работников получают от 10 до 15 тыс., от 15 до 20 тыс., от 20 до 25 тыс., то наибольшую часть составят работники, получающие от 20 до 25 тыс. руб. Это будет самый высокий столбик, и кривая, которая пройдет через вершину этих столбиков, будет вначале круто поднимающейся до пика, а потом медленно спускающейся, и на этом спуске вначале будет медиана, а потом дальше средняя арифметическая величина.

Так же выглядит и распределение по душевому доходу. Но если разница между бедными и богатыми по зарплате составляет 13 раз, то разница между богатыми и бедными 10%-ми группами – 15,5 раза. Это вопиющее социальное неравенство, позорное для бывшей социалистической страны, самое болезненное, что есть в нашей жизни. В Японии разница по среднедушевым доходам составляет не 15,5 раза, как в России, а 5 раз. В европейских странах социально-экономической ориентации – 6 раз, в Германии – 8 раз, в Европе в целом – 10 раз, но никак не 15. Кстати, в советской России в начале 1980-х годов эта разница составляла 3 раза, а в 1990 г., в период дефицита, спекуляций, разгула неорганизованных рынков, повысилась до 4 раз.

Надо все время считать эту разницу и стараться всеми силами ее сократить в разумных пределах. Регионы имеют для этого рычаг – повышение минимальной зарплаты. Прежде всего повышение минимальной зарплаты касается частного бизнеса, поскольку там занято больше работников, чем в государственном секторе. И это принуждение по отношению к частному бизнесу делиться все большей частью прибыли с работниками, что соответствует социальной справедливости. А то, что творится в нашей стране, далеко от справедливости. Скажем, в 2015 г. денежный рост зарплаты составил всего 4,6%, в то время как в предыдущие годы она увеличивалась на 9–12% в год. А инфляция, напротив, в предыдущие годы была на уровне 7–9%, а в 2015 г. подскочила до 15,5%. И поэтому в 2015 г. реальная

зарплата упала на 9,5%. Да, это была рецессия, но валовый внутренний продукт сократился меньше чем на 3%. Никаких оснований, чтобы реальная зарплата снизилась почти на 10%, не было. Самое интересное заключается в том, что в это время прибыль всех предприятий и организаций в народном хозяйстве России за вычетом убытка, т.е. финансовый результат, выросла на 93% в связи с ростом промышленных цен. Кто допустил, что фонд зарплаты вырос на несколько процентов, а суммарная прибыль – в 1,8 раза? Что это за социальная политика, что это за распределение средств между предпринимателями и работниками? Это говорит об отсутствии реальной социальной политики?

Региональные власти ни в коем случае не должны допускать таких безобразий. Поэтому надо все время мониторить показатели благосостояния, все время опрашивать людей и идти навстречу их желаниям и потребностям. Нельзя пренебрегать интересами людей, как это делается в последнее время. Увеличен возраст выхода на пенсию, против чего выступало, по опросам, 95% всего населения страны. Против воли народа повышен НДС. Против воли населения на 15% (пока) стало дороже жилье при отсутствии 15%-й скидки на него. А значит, для тех, кто покупал на первой стадии строительства со скидкой 15–20%, оно подорожало на треть. Подорожало для 100% населения ради того, чтобы не было обманутых дольщиков (а это 0,38% от получивших жилье, от долевого финансирования жилья населения, благодаря которому удешевлялось жилье и мы больше строили). Между тем решить проблемы этих дольщиков стоило копейки: надо было вести страхование, как это сделано при банкротстве банков, где процент потерявших вклады намного выше процента обманутых дольщиков.

Кроме повышения минимальной зарплаты в регионах, чем большинство регионов практически не пользуются, а ведь это могло бы значительно снизить уровень бедности и подтолкнуть частный бизнес платить бóльшую зарплату, что может сократить отток работающих из многих регионов, а заодно увеличит налоги бюджета региона? Другой рычаг у местных органов – введение различных социальных пособий нуждающимся, многодетным семьям, пенсионерам, инва-

лидам, сиротам. Для этого нужно иметь обоснованные данные о бедных семьях. Следует выработать критерии и поступать по справедливости, а не формально.

Одна из главных задач администрации в каждом регионе – формировать средний класс, который должен стать опорой власти, опорой страны, как это происходит в других государствах. У нас средний класс расслаивается на богатых и бедных, он крайне неустойчив. Ситуацию здесь нужно существенно менять.

Главный приоритет социальной политики регионов – здоровье населения, ожидаемая продолжительность здоровой жизни (в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. поставлена цель довести этот показатель до 67 лет к 2024 г., в то время как сегодня он находится на уровне 60 лет), а для этого на первом месте должно быть сокращение смертности трудоспособных, на втором – сокращение смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, затем – от внешних причин и наконец самое трудное – сокращение смертности от онкологических заболеваний. «Луч света в темном царстве» – снижение младенческой смертности, по которой, вероятно, в 2019 г. мы достигнем первого установленного показателя на 2024 г. из Указа Президента РФ. Этот показатель в 2018 г. на 1000 родившихся живыми составил 5,1. Задание президента на 2024 г. – 4,5. В первом квартале 2019 г. достигнут результат 4,3 в среднем по России. Большинство регионов ежегодно его существенно снижают.

Второй приоритет, за которым надо следить, – конечное потребление домашних хозяйств. Речь идет о потреблении продовольствия, промышленных товаров, о структуре расходов и т.д.

Третий приоритет – сокращение социального неравенства. При чем неравенства не только в доходах и потреблении, что как-то все-таки анализируется, но и огромного неравенства в распределении жилья и все более усиливающегося неравенства в здравоохранении, особенно с ухудшением медицинского обслуживания в сельской местности. Возрастает неравенство в образовании, все больше волнующее население.

Регионы могли бы содействовать тому, чтобы банки под относительно низкий процент (3–4%) выдавали кредит всем, кто получает

профессиональное платное образование начиная от профессии квалифицированного рабочего, программиста и кончая магистратурой, аспирантурой, докторантурой, дополнительным образованием к высшему типу MBA, DBA и др.

Обеспечение достойного уровня жизни – задача многосторонняя. Здесь и проблемы экологии, и безопасности жизни, и высокой смертности от внешних причин, включая травмы на дорогах, самоубийства, убийства, гибель от пожаров, наводнений и т.д. Здесь и проблема приобщения к культуре, к физкультуре и спорту, и многое-многое другое. Всего не охватишь. Но местные органы власти должны иметь широкую панораму и мониторить основные стороны жизни человека и основные группы населения, незамедлительно откликаясь на обоснованные претензии и дельные предложения.

Следовало бы при каждой региональной администрации создать ситуационный центр, который бы ежедневно следил и обрабатывал различную информацию обо всех сторонах жизни региона. Лучший из увиденных мной таких центров – в казахстанском городе Кызылорда. Благодаря в том числе и его работе успешно выполняется выработанная здесь стратегия развития, область из числа самых отсталых регионов Казахстана выдвинулась на средние позиции.

Вряд ли в одной статье можно обозначить все многообразные задачи, которые стоят перед администрациями регионов. Работа с людьми – самое трудное, но и самое благородное дело. Ибо человек живет не ради себя, а в значительной мере ради своих близких и родных, ради друзей, ради того, чтобы принести пользу своему Отечеству. Счастлив тот, кто работает на благо людей. Нужно ценить этих людей, возвеличивать и преклоняться перед ними.

Информация об авторе

Аганбегян Абел Гезевич (Россия, Москва) – академик РАН, заведующий кафедрой. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Москва, просп. Вернадского, 82, стр. 1, e-mail: aganbegyan@ranepa.ru).

DOI: 10.15372/REG20190401

Region: Economics & Sociology, 2019, No. 4 (104), p. 3–23

A.G. Aganbegyan

WHAT THE REGIONS CAN DO TO OVERCOME STAGNATION AND REKINDLE PROMINENT SOCIAL AND ECONOMIC GROWTH

The article discusses the crucial need for rekindling social and economic growth in Russia. The social and economic development in the regions should be driven primarily through the mobilization of investment in fixed assets and knowledge-based economy, especially in human capital; since it is human capital, as well as people's knowledge and skills, that determines social and economic growth. The article considers the opportunities that the regions have to improve citizens' well-being.

Keywords: stagnation; economic growth; investment; human capital; well-being

For citation: *Aganbegyan, A.G. (2019). Chto mogut sdelat regiony dlya preodoleniya stagnatsii i vozobnovleniya znachimogo sotsialno-ekonomicheskogo rosta [What the regions can do to overcome stagnation and rekindle prominent social and economic growth]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (104), 3–23. DOI: 10.15372/REG20190401.*

Information about the author

Aganbegyan, Abel Gezevich (Moscow, Russia) – Academician of the RAS, Head of Chair at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (bld. 1, 82, Vernadsky av., Moscow, 119571, Russia, e-mail: aganbegyan@ranepa.ru).

Поступила в редколлегию 01.08.2019.

После доработки 01.08.2019.

Принята к публикации 01.08.2019.

© Аганбегян А.Г., 2019